

УДК 82.09

МИХАЙЛОВ Михаил Иванович,
доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор

MIKHAILOV Mikhail Ivanovich,
doctor of philosophical sciences, doctor of philological sciences, professor

ПОЛЯКОВ Валерий Михайлович,
кандидат педагогических наук, доцент

POYIAKOV Valery Mikhailovich,
candidate of pedagogical sciences, docent

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА В ЭПОСЕ, ДРАМЕ И ЛИРИКЕ

PHENOMENON OF THE PERSON IN THE EPOS, DRAMA AND LYRICS

В работе рассматривается в философском аспекте проблема человека в основных родах литературы – в эпосе, драме и лирике. В ходе авторского исследования показано: в эпосе человек предстает в виде индивида, то есть общественно-родового существа; в драме человек раскрывается в рамках мироотрицания и являет себя как индивидуальность (трагический человек); для лирики важен творческий статус человека, и человек здесь реализует себя как личность (возвышенно-прекрасное существо).

In this work we consider the philosophical aspect of the problem of the person in the major lineages of literature – in the epos, drama and lyrics. During the author's research it is shown: in epos a person appears as an individual (social-gender essence); in drama a person appears within the frame of the world-denial and shows himself as individuality (tragic man); in lyrics the creative status of individuals is most important and an individual realizes himself as a personality (sublimely-beautiful essence).

Ключевые слова: человек, индивид, индивидуальность, личность, эпос, драма, лирика.

Keywords: a person, an individual, an individuality, a personality, the epos, the drama, the lyrics.

doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.1.076-080

Раскрытие (утверждение) человека в литературе по своему характеру и содержанию неоднозначно: оно во многом зависит от того, в какой родовой форме – *эпосе, драме или лирике* – проявляется.

Обратимся вначале к проблеме человека **в эпосе**. Бытие человека в эпосе в основе своей носит внеличный характер. Это значит, что человек в эпосе раскрывается в качестве представителя рода, коллектива, коллективной общности. Соответственно этому эпос, по сути своей, не знает личностного «я» человека, его индивидуальности (как явления души). Если эпическим героям и присущи переживания, то они статичны и односторонни. К тому же о них лишь говорится, сообщается, но они отнюдь не раскрываются. Отсюда человек в эпосе предстает лишь в разрезе общественного бытия (мира вещей, тел, предметов).

Весьма рельефно эта особенность эпоса проявилась в античное время, например в творчестве Гомера («Илиада», «Одиссея») [См. 1, с. 59–60]. Как справедливо пишет И.К. Кузьмичев, «античный эпос, в том числе гомеровский, был сориентирован не на личное, а на общественное и оказался глух к тому, что человек был лишен личных свобод. Все его поступки предопределялись волею богов и героев, которая представляла собой не что иное, как идеализированное выражение желания и воли его собственного рода и племени» [2, с. 17].

Ярким примером прославления родового (общественно-родового) начала в человеке в рамках эпоса может послужить повесть «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Ведь если задаться вопросом: что является главным для нее? – нетрудно ответить: утверждение общенародного как примата, а то и принципа человеческой жизни. И это становится особенно понятным, если учесть, что именно во имя общего дела, родины отец убивает младшего сына Андрия, который из-за любви к прекрасной полячке изменил родине и «товариществу».

А разве не эта же идея утверждения человека как коллективного существа является главенствующей в эпической повести «Железный поток» А. Серафимовича, в романе «Как закалялась сталь» Н. Островского? Уместно вспомнить, что говорится в произведении «Как закалялась сталь» о Павле Корчагине как участнике гражданской войны: «Павел потерял ощущение отдельной личности. Все эти дни были напоены жаркими схватками. Он, Корчагин, растаял в массе и, как каждый из бойцов, как бы забыл слово «я», осталось лишь «мы»: наш полк, наш эскадрон, наша бригада». Характерно, что роман «Они сражались за Родину» М. Шолохова уже своим названием (где фигурирует слово «за Родину» с большой буквы, а корнем его является «род») дает знать, что здесь главное – утверждение человека как родового существа.

Бросим взгляд на поэму «Василий Теркин» А. Твардовского. Здесь – то же самое. Главный герой поэмы – герой народа Теркин; он, по словам исследователя, «не знает никакого сроднения между собой и народом, ибо он и есть сам народ, часть его» [3, с. 407].

Прославление (в противоположность индивидуальному) родового утверждения человека – весьма характерная черта фольклорного эпоса. Идея внеличностного утверждения человека как представителя, защитника народа, общественного деятеля была особо значимой для русского героического (богатырского) эпоса [См. 4, с. 46, 67].

Эпос (традиционный эпос), таким образом, не знает индивидуального, глубинного человеческого чувства. Чувства в эпосе носят коллективный (омассовленный) характер, а потому не может быть здесь и речи об индивидуальной душе человека. Внутренний мир, индивидуальная душа человека – то, что находится за пределами эпоса как рода литературы.

Нетрудно понять, что в эпосе представлена здешняя (земная) жизнь, здешнее утверждение человека. А это значит, что в основании его содержания положена идея *горизонтальной* связи человека с миром. С этой точки зрения проявление человека (эпического героя) носит характер *мироприятия*.

Отсюда можно сделать такой вывод: человек в эпосе предстает в виде обыкновенного *индивида*, то есть общественно-родового существа. Проявление человека в эпосе на уровне *обыкновенного* вовсе не противоречит тому, что в этом роде литературы немалое место принадлежит *героическому*. Дело в том, что в основе героического как раз и лежит обыкновенное – обыкновенное в широком смысле: как нечто социальное, а не душевно-духовное. Иначе говоря, героическое (образцовость) есть не что иное, как максимальная воплощенность общепринятого, нормативного [5, с. 865].

А теперь обратимся к философии человека **в драме**. Суть феномена человека в драме (прежде всего в трагедии как жанре драмы) раскрывается в плоскости *мироотрицания*, а точнее, отрицания существующего миропорядка в образе падшей природы и общества. Человек здесь предстает между «верхом» (небесным) и «низом» (земным), то есть как *трагический* (одинокый) человек. С данным явлением мы встречаемся уже в античной драме: трагедиях Софокла, Эсхила и др. По словам Н.А. Бердяева, «...величайшее в греческой культуре – философия Платона и греческая трагедия – было выходом из этого мира, сознанием недостаточности имманентно взятого мира, было уже путем к христианству» [6, с. 281]. Показателен в этом случае образ Прометея (из одноименной трагедии Эсхила), пребывающего между «верхом» (небом) и «низом» (землей). Август Шлегель не случайно предпослал к своей небольшой поэме «Прометей» (1797) такой эпиграф из Овидия: «Он дал человеку возвышенность лика и побудил смотреть в небо и поднимать голову к звездам».

Между «верхом» (небом) и «низом» (землей) пребывают трагические герои Нового и Новейшего времени: Гамлет у Шекспира («к чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей?»), Моцарт у Пушкина, Демон у Лермонтова, Катерина у А.Н. Островского, Григорий Мелехов у Шолохова и др.

Эпицентром трагического мироотношения и одиночества героя в драме является дисгармония души человека (его «я»), то есть конфликт в душе. Это состояние души, полное тревоги и беспокойства, можно выразить словами Ф. Тютчева:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Одиночество человека, характерное для драмы, не следует оценивать лишь со знаком минус. Одиночество, по словам Н.А. Бердяева, «стоит... под знаком не только отрицательным. Оно может стоять и под знаком положительным, может означать более высокое состояние «я» и возвышающееся над общим, родовым, объективированным миром» [7, с. 268].

Генрик Ибсен не случайно заявил: «Самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко».

Ценность трагического одиночества главным образом связана с утверждением человека как *индивидуальности*, то есть с проявлением человеческого «я» в рамках саморефлексии, самопереживания, самоуглубления. Индивидуальность в драме – это субъективное (в основе своей внутреннее) состояние человека, порожденное устремлением человека, его души к вечности и бесконечности.

Трагическое мироотрицание, связанное с утверждением человеческой индивидуальности, не имеет ничего общего с *ужасным* как физическим страданием и гибелью людей в результате превосходства сложившихся обстоятельств.

И все это, в итоге, делает человека (героя) драмы внутренне действенным, *возвышенным* существом.

И, наконец, обратимся к **лирике**. Лирика – это прежде всего *творческое* бытие поэта. Если эпос – это утверждение человека в пределах мира как социально-исторической необходимости, то лирика – это творческое преодоление «эмпирического» мира (необходимости), обретение свободы, прежде всего внутренней свободы. В этом смысле лирика как бы продолжает дело драматургии на более высоком уровне – осуществляет возвышение человека *изнутри*. Она позволяет человеку освободиться от оков естественно-природной и социальной ограниченности, а тем самым достичь нового – духовно-возвышенного мира, мира красоты. Весьма показательна на этот счет, например, чистая лирика Ф. Тютчева и А. Фета. Вот одно из стихотворений такого рода, принадлежащее Фету:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!*

Возвышенное чувство, заложенное в лирике, обладает специфической способностью (значением): оно *очищает* человеческую душу, то есть выполняет функцию *катарсиса*. Актуально в этой связи звучат слова Вл. Соловьева: «Не одна только трагедия служит к очищению души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика на всех, кто к ней восприимчив» [8, с. 212].

В соответствии с этим человек (поэт) в лирике раскрывается не иначе, как *личность*. («Личность» при этом не следует отождествлять с «индивидуальностью», как это обычно делается) [9, с. 188–192].

В понятии личность представлена прежде всего духовная сущность человека. По определению Н.А. Бердяева, «личность не есть часть чего-то, функция рода или общества... Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Личность духовна и предполагает существование духовного мира... И жизнь личности не есть самосохранение, как в индивидууме, а самовозрастание и самопреодоление» [10, с. 62, 63]. Ронано Гвардини так определил понятие «личность»: «"Личность" означает, что я в моей самости, в конечном итоге, не могу быть управляемым никакой другой инстанцией, но принадлежу только самому себе» [11, с. 55].

Стать личностью – это значит «преодолеть» земное притяжение, собственные прихоти, другими словами, прорваться сквозь завесу суетности, кажимости, призрачности (как по отношению к миру, так и по отношению к себе) и обрести душевный покой. Покой здесь не статичен, а динамичен. Покой здесь понимается не как бегство от жизни, а как «бесстрашие перед ней, достижение ее полноты, гармонии» [12, с. 39–40], то есть как высшая мера жизни.

Данное самоутверждение поэта, его «Я» вовсе не представляет собой некую самоизоляцию от всего и вся. Напротив, лирическое «я» поэта обращено, устремлено к Универсуму. С этой точки зрения человек (поэт-лирик) проявляет себя не по принципу «уходить от плотского мира, ненавидя его», а в соответствии с принципом «*отходить*, любя и преобразая природу» (М.М. Пришвин), тем самым осуществляя себя в русле *миропреображения*. В таком случае человек утверждает себя на уровне *сверхсознания*.

Бытие личности в лирике (лирической поэзии), следовательно, протекает не в настоящем времени, как обычно считают, а в разрезе мгновения-вечности, то есть вне дискретности времени с его прошлым, настоящим и будущим (в этом смысле лирика напоминает миф) [См. подробнее об этом: 13, с. 112–113].

Так или иначе человеческая жизнь в лирике раскрывается как жизнь души, соприкасающаяся с Вечным (Богом, Духом), а потому – и как вдохновенное состояние творца. По мысли Платона, поэт – «это существо легкое, крылатое и священное, и он может творить лишь тогда,

когда делается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка, а пока у человека есть этот дар, он не способен творить и пророчествовать» [14, с. 142].

А.С. Пушкин имел основание сказать:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битья,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

Это вовсе не означает, что в лирике нет места чувству тоски, печали, грусти и т.п. Все это есть. Однако все это пронизано, насыщено возвышенным, светлым началом. Уместно тут вспомнить пушкинское «Печаль моя светла». В соответствии с этим бытие человека в лирике можно определить как «снятие» трагического на уровне прекрасного – гармонии и успокоения души через посредство сближения, единения тела (земного) с Духом (небесным).

В целом же, подводя итог, можно заключить, что человек в лирике предстает не иначе, как возвышенно-прекрасное существо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Михайлов М.И. Феномен эпоса. Культурологический анализ: Монография. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2009. – 121 с.
2. Кузьмичев И.К. Нравственные основы советской литературы: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1986. – 208 с.
3. Сучков Б. Исторические судьбы реализма. Изд. 3-е, доп. – М.: Сов. писатель, 1973. – 504 с.
4. Аникин В.П. Русский богатырский эпос: Пособие для учителя. – М., 1964. – 191 с.
5. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 1008 с.
6. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
7. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
8. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990. – 574 с.
9. О разграничении понятий личности и индивидуальности см.: Михайлов М.И. От индивида – к личности // Человек. – 2002. – № 4. – С. 189–192.
10. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 380 с.
11. Лобкович Н. Что такое «личность»? // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 56–57.
12. Коган Л.А. Формула покоя // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 39–40.
13. Михайлов М.И. Феномен искусства: опыт философского анализа: Монография. – Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012. – 134 с.
14. Платон. Соч. в 3-х томах. Т. 2. – М., 1968–1972. – 637 с.

REFERENCES

1. Mikhailov, M. I. the Phenomenon of epic. Cultural analysis: the Monography. [Fenomen jeposa. Kul'turologicheskij analiz: Monografija.]. Nizhny Novgorod: UGIU, 2009. 121.p.
2. Kuzmichev I. K. Moral foundations of Soviet literature: a Book for teachers.[Nравstvennye osnovy sovetskoj literatury: Kniga dlja uchitelja] Moskva: Education, 1986. 208 p
3. Knots B. Historical fate of realism. [Istoricheskie sud'by realizma.]. Izd. 3-e, dop. Moskva: Sov. pisatel': 1973. 504 p.
4. Anikin B. N. Russian heroic epics: a Manual for teachers. [Russkij bogatyrskij jepos: Posobie dlja uchitelja]. Moskva 1964. 191 p.
5. Batkin L. M. European man alone. [Evropejskij chelovek naedine s soboj] Moskva: Publishing house of the state University for the Humanities, 2000. 1008 p
6. Berdyaev N. A. Philosophy of creativity, culture and ar. [Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva]. 2 so So 2. Moskva: Art, 1994. 510 p.
7. Berdyaev N. A. The philosophy of the free spirit.[Filosofija svobodnogo duha]. Moskva: Republic, 1994. - 480 p.
8. Soloviev, C. S. Poems. The aesthetics. Literary criticism. Moskva: Book, 1990. 574 p
9. On the delimitation of the concepts of personality and individuality, see: Mikhailov, M. I. From individual to person.[Ot individa – k lichnosti]. Person. 2002. No. 4. pp. 189-192.
10. Berdyaev N. A. The destiny of man.[O naznachenii cheloveka.]. Moskva: Republic, 1993. 380 p.
11. The Lobkowicz N. What is "personality"? [Chto takoe «lichnost'»?]. Questions of philosophy. 1998. No. 2. p. 56-57.
12. Kogan, L. A. Formula of peace. [Formula pokoja]. Questions of philosophy. 1990. No. 6. p. 39-40.
13. Mikhailov, M. I. The phenomenon of art: the experience of philosophical analysis: [Fenomen iskusstva: opyt filosofskogo analiza.]. a Monograph. Nizhny Novgorod: NSPU them. K. Minin, 2012. 134 p.
14. Plato. Op. in 3 volumes. So 2. Moskva, 1968-1972. 637 p.

Информация об авторе

Михайлов Михаил Иванович, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия
mihaylov.mi@mail.ru

Поляков Валерий Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, профессор кафедры иностранных языков, Нижегородская область, г. Княгинино, Россия
walpol@yandex.ru

Получена: 17.11.2014

Information about the author

Mikhailov Mikhail Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Chair of Philosophy and Theology, Nizhny Novgorod Minin State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
mihaylov.mi@mail.ru

Poliakov Valery Mikhailovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Engineering-and Economic Institute, Knyaginino city, Russian Federation
walpol@yandex.ru

Received: 17.11.2014